

Невзрачный, щедушный на вид мужичонка Витька Корявцев на войне не был, потому как родился в тридцать первом году. В сорок первом, едва ему десять лет исполнилось, началась война. Вот голоду Витек натерпелся. Может, потому и не вырос. Известное дело: прищипни молодое растение в точке роста, оно и развиваться не станет. Погибнуть не погибнет — захиреет и плода не даст. Так и Витькино военное поколение на самом корню голодом, холодом, непосильным трудом подрублено.

На вид Витьку под семьдесят лет, а на деле еще и шестидесяти нет. Внешность неброская. Бесцветные глаза, прокуренные зубы. На голове редкая седая растительность. Одни руки у Витька развитые — узловатые, жилистые, хваткие. Руки ведь не едой, физическим трудом развивают. И то сказать, досталось за жизнь Витькиным рукам и ногам тоже!

В сорок первом отец Витьки практически сразу был призван в действующую армию. Похоронку принесли в первую же военную зиму — сложил Логин голову под Ржевом.

Остался Витька в семье за старшего. После него еще три рта ребятишек, мать, да бабка немощная. В двенадцать лет пришлось бросить школу. Пристроился Витек сначала в подмастерье на кирпичном заводе, что еще до войны обосновался в их рабочем поселке, где и Логин работал. На производстве этом, что подмастерью, что квалифицированному рабочему труд сахаром не казался. Оборудование примитивное: пять станков, которые и станками-то назвать можно с натяжкой. Устройство их простое: плоский металлический стол с

углублением в форме кирпича, донышко корытца не прикреплено к ее стенкам. Под столом рычаг-педаль. Раствор укладывается в форму, разглаживается заподлицо с краями, мастер нажимает на педаль, кирпич-сырец выскакивает на донышке, как пирожное на подносе. Остается опрокинуть его на ребро и убрать на просушку. Все остальные процессы вручную: воду в чан таскать, песок, глину. Раствор месить вручную, а вернее сказать «вножную».

Производство кустарное, зато кирпич получается прочный, закаленный до звона. С началом войны потребность в таком кирпиче не отпала. Вглубь страны начали эвакуироваться военные заводы. Для устройства их фундамента нужен крепкий кирпич. Идет он и на доменные печи.

Таким образом, завод даже «укрупнили», до войны на нем было два станка, завезли еще три. Все пять работают без простоя. Только успевай месить раствор.

Как раз на эту операцию — месить в большом чане глиняное тесто и взяли Витьку. Это поначалу забавно и даже весело показалось — знай, топчи, переступай с ноги на ногу. Чан широкий, но низкий. Залезут в такое корыто человек пять-шесть ребятишек, охватятся по плечам руками и айда по кругу! Только за день так ухлопывались голодные ребятишки, хоть за уши оттуда добывай. Летом еще куда ни шло: вода, глина не такие холодные. А весной, осенью? Взрослые мужики до войны глину месили в болотных сапогах. Мальчишку-заморыша в такой сапог хоть с головой посади, какой там замес? Вот и студили ребятишки босые ноги, простывали на сквозняках — кирпич-сырец сушится в сараях с окнами-фрамугами.

Основное население небольшого уральского поселка трудилось на торфоразработках. Для проживания рабочих в поселке было построено пять десятиквартирных барачков с сарайками-прилепышами, да несколько частных домишек, контора торфяников, где выписывались наряды и по кирпичному заводу.

Витькина семья жила в одном из барачков. К слову сказать: это рассчитан барачок был на десять семей, а проживало в них люду, как селедки в бочке.

До войны на кирпичном заводике мастером был Логин — отец Витьки. Теперь командовать поставили одноногого Мирона — участника Гражданской войны. На месте отсутствующей по колено ноги Мирон носил деревянный конусообразный скрипучий протез, который больше смахивал на узкую кадушку, в коих крестьяне сбивают механическим способом сливочное масло.

В обязанности мастера входило организовать рабочий процесс,

определить качество глины, где начать новый карьер по ее добыче. В распоряжении Мирона была ледащая лошаденка, на которой он подвозил глину и песок к заводу. Остальная рабочая сила — бабы. Одна из них, старая дева Марьяна, молчаливая женщина с беспристрастным выражением лица. Марьяна от природы страдала тугоухостью, может оттого была замкнутой и замуж не вышла. В работе Марьяна ломилась как лошадь, немало выручая мастера-бригадира. А еще чисто по-женски жалела старика, предлагала иногда: «Собирай, Мирон Пиме-ныч, узелок с грязными рубашками, портками, вечер постираю на речке».

Был Мирон вдовый, неприкаянный человек. Жалел и подбадривал ребятишек: «С токою-то бригадою мы к осени полную печь загрузим!» Делился с детьми скудными пайками: то корочку хлеба сунет, то вареную в мундире картофелину. Подкармливала мальчишек и Марьяна. За это дети привязались к женщине, как к матери. В летнее время Марьяна носила на голове кумачево-красную косынку. При скудном, почти нищенском прозябании эта косынка казалась роскошью. Витька еще издалека высматривал красную «голову», ждал, не принесет ли Марьяна гостинца. Иногда раздумывал наедине: «Отчего тетку Марьяну никто взамуж не взял? Разве же она некрасивая? Особливо как красную косынку наденет, куды с добром!» Однажды он даже у матери поинтересовался: «Мамка, отчего тетку Марьяну никто не сосватал? Она очень даже приличная! Я бы женился, кабы большой был». Вечно вымотанная физической работой мать отмахнулась небрежно: «Не знаю, не приглядывалась. От ты, жаних еще нашелся!»

Со временем образ Марьяны в Витькиных глазах станет женским идеалом: добрая, заботливая, трудолюбивая, ни с кем не спорит, делает свое дело.

Загрузив печь, приступали к заготовке дров. Население поселка отапливалось торфяными брикетами, вывороченными на разработках корягами. Ближайший леспромхоз снабжал кирпичный заводик пнями с раскорчевок, срезкой.

Зимой кирпич обжигали. Эту операцию работники заводика любили более других. Не такой тяжкий труд. Главное, поддерживать в топках печи тепловой режим, вовремя подбросить, промешать головешки. Устье в печи не одно, а несколько по всему периметру для равномерного обжига. Дежурили посменно группами. Ребятишки любили ночную смену, старались записаться в нее с теткой Марьяной. Жарко протопив сторожку (дома-то тепла вволю не бывало), мальчишки укладывались на нары, при сальном фитиле травили байки-страшилки или уговаривали Марьяну рассказать какую-нибудь историю.

Марьяна строго следила за печью, сама не смыкала глаз, тормозила мальчишек: «Эй, воины, вставайте, пойдём угли мешать, подбрасывать!» Иногда жалела закемаривших «мужичков» и управлялась у печи одна. Не могли они ведать, как нередко вернувшись в избушку, Марьяна подолгу рассматривала обносившихся голодных работников, смахивала набежавшую слезу. Протяжно вздыхала, пристраивалась на скамейку напротив, отдыхала, дремала вполглаза, чтобы полчаса спустя опять шуровать у печи длинной кочергой. Мальчишки не оставались в долгу у доброй женщины и при заготовке, распиловке, рубке дров старались подставить свое плечо, помочь ей.

Мужиков с войны в поселок вернулось мало. Так в барак, где проживала Витькина семья, возвратилось всего три воина. Один из них Гоша Новоселов — увечным обрубок в полчеловека. Говорили, что подорвался Гоша на фугасном снаряде. Ноги у него были ампутированы по тазобедренные суставы, таким образом, казалось, что сидит он прямо на животе. Лицо, иссеченное осколками, увы, тоже не красило героя. До войны Гоша не успел обзавестись семьей, а теперь и подавно невесты для инвалида не находилось. Проживал он со старенькой матерью. Передвигаться Гоша приловчился на низкой самодельной доске с колесиками, опираясь на руки в грубых рукавицах. По вечерам инвалид выбирался во двор и окруженный мальчишками-зеваками пилил на гармошке. Про войну он рассказывать не любил, всю свою боль выплескивал в музыку.

Играл любую мелодию, подбирая на слух. Но самой любимой его песней была «На позицию девушка провожала бойца».

Все чаще Гоша прикладывался к рюмочке, а в подпитии рассуждал о наболевшем: «Эх, вот до войны у меня была краля, не то ли что сейчас бабы пошли, взглянуть не на кого!» Если какой-либо мужик его одергивал: «Кто хвалится, тот с горы свалится!», Гоша как-то сразу обмякал телом: «Я уж свалился, дальше некуда!» Сердобольные женщины перешептывались: «Хосподи, Боже мой, «взглянуть не на кого», кто бы на тебя посмотрел?! Обкромсала война, там, поди, и мужского-то ничего не осталось». Сочувствовал Гоше одноногий Мирон:

— Э-эх, парень, скрутило тебя! Думал я ране, что больно несчастлив на своей культе, а тебе-то хлеще моего досталось! А все через эти войны проклятые.

Будь у Гоши другой характер, мог бы на счетовода, писаря или на сапожника, например, выучиться — руки, голова целы. Но слабый человек все больше спивался. Манера его игры на гармошке со временем стала заунывной, какую бы мелодию он ни заводил, всякая

наводила тоску, как ноющая зубная боль бередила душу. Кто-то окрестил его «Гошей — Зубной болью», с тех пор так и пошло.

После смерти матери Гоше стало совсем тяжело. Жалких грошей по инвалидности не хватало даже на пропитание, не говоря уже о вине. Нередко он отправлялся на своей тележке в город, неизменно прихватив с собой гармонию. Взобраться в рейсовый автобус и выбраться из него помогали пассажиры. Пел на рыночной площади, просил милостыню. Часто его вылавливал милицейский патруль (попрошайничать было не положено), возвращал обратно в поселок, предупреждал о принятии более жестких мер.

С такого заработка Гоша приезжал трезвый и лишь в поселке позволял себе набраться. Но однажды он изменил своему правилу, явился вдрызг пьяный. Горько плакал во дворе дома, жаловался мужикам:

— Оне меня за кого держат? Крысы тыловые, волки позорные! Фуфайку задирали, ноги мои искали! Ищите! Под Москвой оне остались, краковяк пляшут! Мать вашу так! Низко я на доске сижу, а то бы надавал им в роговой отсек по-нашему — по-фронтovому!

С его слов сочувствующие поняли, что на рынок заступил наряд милиции из нового состава, который еще не знал инвалида-Гошу, вот и унизили фронтовика досмотром.

Как никогда надрывно плакала в тот вечер Гошина гармошка. Трудно прощалась девушка с бойцом на ступеньках крыльца.

Местные дворовые ребята иногда учились у Гоши пикировать на гармони. Лучше всех эту науку усвоил Витька Корявцев. Особенно хорошо у него выходила любимая песня Гоши.

После войны город стал усиленно развиваться, отстраиваться. Решено было построить в поселке добротный кирпичный завод с новым оборудованием, механизированным процессом, завод ЖБИ. Это привело к притоку в поселок новой рабочей силы. Начали строить жилье.

Прошли годы, выросли дети военного поколения. Однажды в зимнюю пору замерз подвыпивший гармонист Гоша Зубная боль, несколько метров не дотянул до своего дома. Помаявшись болезнью легких (может, у кирпичной печи опалила), ушла в мир иной Марьяна — старая дева. Витька Корявцев женился, привел жену в квартиру матери. Вскоре и мать умерла.

Три аварийных барака снесли. Прямо напротив Витькиного построили два двухэтажных благоустроенных дома из силикатного кирпича. И хотя барак еще стоял, его списали с баланса, жильцов из него постепенно расселили.

Витькина жена обила все пороги, их семья тоже вселилась в новый дом. Но за нехваткой жилья люди селились в освободившийся барак

самовольно, развалюху стали называть «нахаловкой». Лишь квартира Гоши Зубная боль оставалась пустующей. Там давно провалились, прогнили половицы, покосились рамы, стекла в них лопнули и частично высыпались. В квартире часто собирались собутыльники, распивали, курили, балагурили.

Витька давно ушел с кирпичного заводика, переквалифицировался на стропальщика, работал в складе готовой продукции на заводе ЖБИ. Это с виду его профессия кажется простой: цепляй крюк, кричи «вира» да «майна». На деле много тонкостей надо знать. Как увязать детали, например, как уложить в штабель. В каком месте положено установить прокладки под них. Витька на этом поприще хороший специалист, опытные мастера не гнушаются его советом, подсказкой. С тех пор как на заводе ввели обязательные экзамены по допуску к работе, Витька, малограмотный мужичок, первый успешно сдает их, потому как подходит к вопросу чисто с практической стороны.

Детей у Корявцевых не случилось. Какое-то время супруги упрекали друг друга в бесплодии. Потом успокоились, но ключ к семейному счастью не нашли. Нелька — жена, вдарилась в накопительство. Витьку же мало чего нужно от жизни. Зимой ходит в ватнике, кирзовых сапогах, цигейковой шапке. Летом в пир и в мир — в линялой спецовке, старенькой кепченке, стоптанных башмаках. В семейной жизни он давно разочаровался. Нелька, крикливая, вздорная баба всю печенку проела, все ей денег мало. Иногда сэкономив на бутылочку «вермута», Витька посещал квартиру Гоши Зубная боль. Ходить туда предпочитал в одиночку, чтобы посидеть, подумать без суеты. Обязательно снимал кепку, раскрывал створку окна. Первую стопку выпивал за помин души хозяина, вторую — для храбрости, третью — для настроения и разворачивал мехи старенькой гармонии. Для начала всегда звучала любимая песня Гоши. Витек вел ее спокойно и уверенно, но по мере того, как хмелел, всякая начатая мелодия сменялась жалобным заунывным мотивом, напоминающим игру бывшего хозяина квартиры. Каков наставник, таков и ученик.

Когда этот «концерт» вконец выматывал нервы и терпение Нельки, она распахивала створки окна в доме напротив и через двор кричала:

— Хоть бы одну настоящую песню сыграл, достало твое «пили-пили — не допили»!

Витек подходил к окну, демонстративно рвал на груди рубаху, обнажая впалую грудь под растянутой синей майкой, вскакивал на подоконник с гармошкой, свешивал во двор ноги и громко возглашал:

— Ах, тебе настоящую?! Так послушай. — Он рьяно растягивал мехи, громко, с бравадой выводил:

— На позицию девушка провожала бойца.

Нелька высовывалась из окна, смачно сплевывала во двор:

— Тьфу ты, малохольный, со своей девушкой!

Витек невозмутимо продолжал:

— На окошке на девичьем все горел огонек.

От усердия на его черепе вздувались синие вены, на скулах ходили желваки, острый кадык обозначался еще отчетливее. В проигрышах гармонист приглушал мелодию, громко выкрикивал:

— И-эх, была у меня во время войны одна краля в красной косыночке, не тебе чета! Што ты в музыке понимаешь?! Не те сейчас бабы пошли, взглянуть не на кого! — Еще яростнее рвал гармонь: — Но знакомую улицу позабыть он не смог. Где ж ты милая девушка?

Нелька молча захлопывала окно и даже задергивала шторы.

Час спустя из Гошиной квартиры опять слышалась протяжная заунывная мелодия. Набожные старушки, кои еще помнили безногого Гошу, проходя мимо, суеверно крестились: «Господи, помилуй раба божьего Георгия!»